Ночью Шанхавелю приснился сон. Бёрн подошел к нему, лицо волшебника невольно зависло перед полем зрения эльфа.

«Шанхавель, ты должен помнить об этом, когда проснешься. Я могу только предположить, что с Мелиасом случилось что-то ужасное, потому что я не могу достичь его ума. Если Элмо все еще жив, он сможет объяснить дальше. Настало время вам и остальным узнать всю правду. Силы храма снова восстают, и вы должны помешать им выпустить ужасное зло, зло, которое мы не могли уничтожить десять лет назад. Мне жаль, что мы скрывали это от вас раньше. Мелиас и я чувствовали, что лучше не раскрывать это, пока не настанет время, но теперь больше не может быть задержки.

«Вы должны найти золотой ключ и вернуть его мне. Я определю средства, чтобы уничтожить его к тому времени. Ключ в форме черепа, отсутствует его нижняя челюсть. Он содержит четыре драгоценных камня, по одному для каждого из элементов, установленных в линии короны в точках компаса. Вы должны проникнуть в руины храма, выяснить местонахождение этого ключа и вернуть его мне. Что бы ни случилось, получите ключ. Много жизней зависит от вашего успеха ».

Лицо Берна исчезло из поля зрения, и мечты Шанхавеля были омрачены надвигающимися золотыми черепами и демоническими лицами. Когда он проснулся, розовый рассвет только что осветил горизонт. Дрожа, он сел, с полной ясностью вспоминая послание Бёрна. Когда остальные члены Альянса проснулись, эльф поделился с ними посланием.

Элмо кивнул, когда Шанхавель закончил. «Этот череп мне известен, по крайней мере, немного. Он был создан во время первоначального подъема храма, как объект силы. Это должно быть золотой шар, упомянутый в стихотворении. Поэтому мы должны сделать это. Мы должны найти этот ключ, пока не стало слишком поздно.

«Что значит слишком поздно »? - спросил Ахлеаг с беспокойством на лице.

«Слишком поздно» - когда руководители храма находят этот ключ и используют его, чтобы освободить демона ».

- Что? - задохнулся Ахлеаг. «Никто не сказал мне ничего о демонах прошлой ночью! Это над моей головой.

«Она была запечатана там, когда храм был разбит», - объяснил Элмо. «Берн, Ланитейн и другие ехали вместе с принцем, чтобы сразиться с ней в битве при Эмриди Лугах. Их потери были тяжелыми, и когда пришло время уничтожить ее, они были слишком ослаблены. Вместо этого они запечатали ее глубоко в ее собственном логове, поймав ее в ловушку и лишив возможности кого-либо снова достичь ее. Она, возможно, видела, что он приближается, и каким-то образом она настроила этот объект, этот ключ, так что это стало средством для ее освобождения. Она знала, что это будет лишь вопросом времени, когда кто-нибудь найдет его и откроет печати в ее тюрьме ».

«Боккоб», - выдохнул Шанхавель. «Мелиас знал это все время. Он и Берн. И Ланитейн. Почему они просто не сказали нам?

«Они чувствовали, что вы бы никогда не согласились сделать это, если бы знали всю степень проблемы. Я не согласился с их причинами, но это была не моя экспедиция, поэтому я согласился ».

Несмотря на готовность Элмо быть в движении, группе пришлось похоронить Мелиаса. Они

знали, что у них нет времени, чтобы вернуться в Хоммлет для надлежащей церемонии, поэтому они выбрали тихое место возле своего лагеря. Говин произнес несколько слов в честь человека, которого он никогда не встречал. Могила была окружена двумя большими кленовыми деревьями, которые только начинали распускаться , их почки сверкали алым на утреннем солнце. «Это было хорошим знаком», - решил Шанхавель, когда они поднялись и направились к Нульбу.

Нульб был грязным, грязным, опасным местом, и, поскольку они хотели привлечь как можно меньше внимания, Альянс покинул дорогу и обошел весь город, чтобы полностью избежать этого места. Вместо этого они направились прямо к храму, надеясь найти безопасное и укромное место рядом с разрушенной структурой, в которой можно остаться на ночь. Поскольку большая часть дня прошла, небо стало пасмурным, и Шанхавель чувствовал запах дождя, когда они ехали.

Шанхавель посмотрел на Ширрал. Она была задумчивой и спокойной весь день, несмотря на несколько попыток волшебников вовлечь ее в разговор. Он еще не нашел хорошего способа открыть ей глаза, чтобы выяснить, верны ли комментарии Ахлеага от предыдущего вечера. Он покачал головой и снова обратил внимание на маленькую тропинку, по которой их вел Элмо.

Маршрут к храму был чуть более чем колейной тропой. Густой лес сжимался с обеих сторон, но было очевидно, что в последнее время его использовали некоторое количество трафика, что поставило всю группу в тупик. Шанхавель не раз сталкивался с содроганием, его кожа ползла от ощущения, что за ним наблюдают. Подняв капюшон, когда дождь начал моросить, он присел на корточки, как будто он уклонялся от посторонних глаз.

Примерно через час езды сквозь рассеянный облаком свет позднего вечера они достигли края лесной линии и увидели его. Спешившись и оставив своих лошадей в небольшой роще деревьев возле дороги, группа украдкой подошла к разрушенному храму пешком, подозрительно следя за охраной. Казалось, нет ни одного.

Растительность, окружающая это место, была болезненной и искривленной, с множеством крапивы, шиповника и заусенцев. Многие из деревьев были мёртвыми и скелетными, а кустарниковый рост у их основ был чахлым и неестественно окрашенным, желтоватым от болезней. Кое-где среди сорняков поблескивали обесцвеченные белые останки бесчисленных мертвых, черепа, наполовину закопанные в почве, и другие кости, разбросанные среди коричневой травы.

Вокруг основной структуры были груды серого щебня со случайным неповрежденным участком стены. В северо-восточном углу этих внешних стен стоял пень башни. Там, казалось, не было никаких признаков жизни, кроме горстки ворон, сидящих на вершине сооружения.

Само главное здание было целым, впечатляющий бастион из арочных опор и отвратительных насмешливых лиц, высеченных в камне. Отвратительные лианы и виноградные лозы цеплялись за все это, как будто царапали здание, пытаясь добраться до богатого источника недоброжелательности внутри.

Шанхавель вздрогнул. Свет, уже рассеянный в пасмурном небе, как-то казался здесь еще слабее и неэффективным. Не раз он краем глаза видел резкое движение, но когда он повернул взгляд в этом направлении, все, что он заметил, было тенью или черноватым кустом, слегка двигавшимся на ветру.

«По Катберту, это место источает зло», - сказал Говин. “У меня во рту кислый привкус.”

«Да, - согласился Ахлеаг, - и я продолжаю видеть вещи, которых там нет».

«Давай», сказал Говин, ослабляя меч в ножнах. «Давайте посмотрим вокруг.»

«Подожди», сказал Шанхавель. «Почему нет охранников?»

«Я задавал себе этот вопрос уже около десятка раз», - добавил Ахлеаг.

«Мое подозрение, - ответил Говин, - заключается в том, что остаточного зла этого места достаточно, чтобы отпугнуть большинство потенциальных исследователей, и есть определенная логика, чтобы создать впечатление заброшенности, а не толпу охранников».

«Ну, даже если мы не видим охранников, это не значит, что тут никого не прячут», - предупредил Шанхавель. «Давайте сначала сделаем небольшую ненавязчивую разведку. Я скажу Ормиэлю, чтобы полететь над головой и посмотреть, что он увидит.

«Хорошая идея», кивнула Ширрал, широко раскрыв глаза. «Давай удостоверимся, прежде чем мы войдем».

Протянув голову, Шанхавель позвал своего ястреба и вызвал птицу. Ормиэль пролетел мимо и обошел разрушенный храм, но он резко отскочил в сторону и отступил к ближайшему дереву.

Ормиэль, шпионить для меня, сказал ему Шанхавель. Лети и смотри.

Нет, ястреб ответил. Плохое место

«Он не приблизится к месту», - объяснил волшебник всем остальным. Шанхавель вздохнул и покачал головой. «Он тоже может чувствовать зло».

«Тогда мы просто должны доверять собственным умам и чувствам, - сказал Говин, направляясь к храму, - и нашей вере в доброту, чтобы пережить нас».

«Я боялся, что он скажет это», - пробормотал Ахлеаг.

По предложению Элмо они подошли к разрушенной структуре со стороны. Было бы разумнее избегать главной дороги, если это возможно. Однако вскоре они обнаружили, что, несмотря на то, что стены были разрушены и путь был почти непроходимым. Повсюду шипы, крапива и ползучие виноградные лозы были слишком густыми и высокими, чтобы пройти через них.

«Мы могли бы быть здесь всю ночь, пытаясь взломать это», проворчал Элмо, вытирая кровь с еще одной царапины на тыльной стороне ладони. Кожа уже показала опухший красный рант. «Как бы мне не хотелось постучаться во входную дверь, я думаю, нам придется идти по дороге. Другого пути нет.

Компаньоны неохотно шли к южной стороне, следуя по дороге, пока не оказались внутри барьера. Впереди маячила большая арка главных дверей, отбрасывая темные тени на сами порталы. Стоя в разрушенных стенах, зубы Шанхавеля были на грани. Все место пахло ненавистью и злобой.

Какого черта мы здесь делаем? он задавался вопросом. Это место должно подпитывать наши страхи.

Падающая морось начала трансформироваться, превращаясь в мокрый снег, который с каждым днем становился все тяжелее. Он гремел с каждой поверхности, потрескивая, ударяясь о

каменную кладку руин, и сбрасывал сгрудившиеся фигуры, когда они плотно обтягивали плащи и капюшоны вокруг себя.

Спутники подошли к парадному входу в тусклом свете раннего вечера, изучая перед ними двойные бронзовые двери, которые возвышались на высоту более двадцати футов и были почти такими же широкими. Двери крепко удерживались огромными железными цепями, и Шанхавель мог видеть, что каждая трещина и щель в предмете были запечатаны мягким железом. Что еще более важно, хотя набор магических рун был выгравирован в портале, каждая из которых светилась серебристым сиянием. Шанхавель мог разглядеть лишь немногое из того, что сказали руны, хотя их влияние было достаточно ясным. Ни один из компаньонов не смог собрать желание приблизиться к дверям ближе, чем на десять футов. Кроме того, они нашли невозможным совершить поступок.

«Они являются связующими символами», - сказал Шанхавель, отворачиваясь, чтобы избежать ощущения сопротивления, которое охватило его, когда он пытался приблизиться. «Их поместили туда Берн, Ланитейн и другие, когда храм упал десять лет назад. Должно быть, именно так они запечатали демона внутри.

«Значит, нет возможности открыть их?» - спросил Говин.

«Не то, что я знаю», - ответил Шанхавель, все еще дрожа от близости к храму.

«Тогда давай», - предложил Говин, обходя сторону здания. «Должен быть другой путь внутрь, какой-то секретный проход, который они используют».

Остальные спутники последовали за рыцарем, который осторожно пробирался сквозь высокие сорняки и мертвые деревья, следуя, как казалось, игровым тропам, пересекающим бурьян. Когда они приблизились к задней части храма, Шанхавель снова заметил большое количество воронов, вырисовываемых на фоне серого неба на вершине башни. Усаживаясь среди руин верхних этажей, они заставили его вздрогнуть.

Вороны никогда не являются хорошим знаком, сказал он себе, затем закатил глаза. Это глупо, он отчитал себя. Они просто птицы.

Когда группа подошла ближе к основанию башни, вороны взволновались, и с дюжин или более их возникло в целое число. Птицы напали на группу, и, пока Шанхавель наблюдал, они, казалось, стали больше в размерах.

«Берегись!» - закричал Шанхавель, подбрасывая посох, чтобы ударить первое из существ, которое пролетело мимо него. Он понял, что он огромный, с размахом крыльев почти в десять футов. Он пролетел мимо, чуть не сбив его с ног.

К настоящему времени остальная часть Альянса знала об атаке, притягивая оружие и приседая, когда гигантские вороны роились и облетали все вокруг. Элмо зарычал от боли, когда один из них поразил его своими когтями, схватив его за спину одного плеча острым, как бритва, когтем. Драга, Элмо и Ахлеаг подняли лук и стреляли стрелами по птицам. Говин, Ширрал и Шанхавель сделали все возможное, чтобы отразить тех гигантских воронов, которые напали на лучников.

В этот момент группа подверглась атаке стрелкового огня. Одна из ракет разорвала плащ Шанхавеля, едва не задев ногу. Другой поймал Ахлеага за руку. Он вскрикнул и чуть не уронил лук.

«Башня!» - кричал Говин, поворачивая свой щит, чтобы отразить любые другие выстрелы, нацеленные на него. «Они стреляют из прорезей ! Все в укрытие!

Группе удалось отступить от башни и одновременно отразить атаки воронов, перебравшись в рощу, короткие густые деревья, обычно ценившиеся за сладкие плоды. Однако бледно-голубые, еще незрелые плоды этих извращенных, низкорослых особей были испорчены злобными красными пятнами.

http://tl.rulate.ru/book/22372/470409